ОТТОРЖЕНИЕ ЗНАНИЙ И РЕГРЕССИВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 316.444.3+316.752.4

Т. В. ФИЛИППОВСКАЯ

Александру Ивановичу Герцену приписывается удивительное рассуждение об условиях «расставания» с индивидуальными и общностными правами и свободами, которые не могут быть реализованы в силу сложившихся обстоятельств. Публицист и аналитик прошлого говорил о том, что он, как и многие другие, имеет право есть золотой ложкой. Однако ни у него, ни у этих «многих» золотой ложки нет, и в ближайшем будущем ее не будет. «Поэтому, — констатирует А. И. Герцен, — я готов продать это свое право кому угодно и за какую угодно цену». Это рассуждение невольно вспоминается при попытке анализа причин отказа лиц, принимающих решения в институтах и институциях власти, услышать интеллигенцию.

С одной стороны, интеллигенции ставится в вину активное участие в «информационной войне». Так, Р. Х. Симонян и С. В. Ткаченко констатируют, что «российская правящая элита и поддерживающая ее интеллигенция активно участвуют в мифотворчестве», которое «можно отнести к инструментам информационной войны». Это проявилось в относительной безнаказанности того, что «в действиях молодых российских трансформаторов была даже какая-то ненависть к народу, который привел их и к власти» [10, с. 205; 11]. С другой стороны, интеллигенция сегодня оказывается не способной к идеологическому обеспечению объединения сил, стремящихся (пока в легитимной форме) предложить властным институтам действенный диалог. Такой вывод можно сделать при анализе событий на Болотной площади и проспекте Сахарова и их «отзвуков» в других городах России в конце 2011 г.

Думается, что в связи с этим, к части интеллигенции, связанной с профессиональной деятельностью, требующей честного анализа происходящего в социуме, предъявляются серьезные претензии. Мы обнаруживаем констатацию факта: при девальвации научного понимания происходящего в социальной практике избираются ложные ориентиры оценок его состояния, сопровождаемые одновременным усилением информационного давления. Так, П. Престон подчеркивает: «Эти дискурсы составляют частное проявление информационной перегрузки: количественный взрыв данных, но уменьшение уровня понимания того, что на самом деле происходит» [15, p. 234]. В результате, по Ж. Бодрийяру, «мы теряемся в пустоте информации», так как имеем ее большой объем, но НЕ-знающее общество. Дело в том, что преобладающая ортодоксия, которая декларирует знание вопросов социального развития и внешне учитывает последствия технологических и связанных с информацией тенденций, по сути своей на самом деле является «провалом политического воображения, смешением целей и средств социального развития и консервативной политики» [15, p. 236–237].

Этому способствует, прежде всего, «нигилистический язык» постмодернистской теории, с помощью которого оправдываются дистанцирование социальной политики от реальной жизни и общие «нереальные ценности», которые лежат в основе происходящих событий.

Непрекращающиеся попытки осмыслить актуальные практики опираются либо на «наивный оптимизм», либо на «апокалипсический пессимизм». Но эти парадигмы не становятся интеллектуальным ресурсом для «вызова ортодоксии или осуществления радикального сдвига в направлении надежного стратегического видения «хорошего общества»» [15, p. 238]. Как видим, на уровне теоретического дискурса представленные доминирующие тенденции «наивного оптимизма» и «апокалипсического пессимизма» связаны с завышенными оценками значения технологий и информации в актуальном и перспективном состоянии социума, их противостоянием знанию востребованному, знанию, применяемому в практиках повседневности. Одновременно констатируется, что только позитивное знание и связанные с ним интеллектуальные ресурсы могут обеспечить необходимую для выживания социума социальную сплоченность. Препятствием этому являются незнание на уровне тандема социальной политики и науки реальных индикаторов и оценки, и прогноза социетальных зависимостей. В преодолении этого негатива может оказать помощь обращение к недостаточно исследованному направлению интеллигентоведения, названному К. Манхеймом регрессивной мобильностью интеллигенции [5, с. 120].

Социокультурный или интегральный подход к определению понятия «интеллигенция», заложенный школами Л. Н. Когана, В. С. Меметова [2, 6], позволяет рассматривать интеллигенцию как особую общность, сущностным признаком которой является реализация функции субъекта духовного воспроизводства социокультурных практик. Значимость подобной субъектности в реальной жизнедеятельности достаточно подробно осмыслялась в работах К. Г. Барбаковой, Г. А. Будник, В. В. Возилова, М. Е. Главацкого, В. А. Мансурова, Е. И. Самарцева, Г. С. Смирнова, Ф. Х. Соколовой, В. Л. Соскина и др. Перманентно актуальными остаются исследования исторических аспектов генезиса интеллигенции, ее места в современном мире, роли в региональном и национальном развитии, функций в системе образования, взаимодействия с властью и религией, что подтверждает даже беглый обзор публикаций в научных журналах. Однако вне сферы внимания специалистов в интеллигентоведении остается то, что определялось К. Манхеймом как регрессивная мобильность интеллигенции [5, с. 120], то есть инновационный для нас социологический ракурс исследования общности, кардинальным признаком которой должна являться ее духовная сущность. Здесь следует подчеркнуть, что речь идет об общности не самопорождающейся, не самовоспроизводящейся, всецело зависящей от остального социума и отражающей в той или иной форме все присущие социуму культурные травмы, потери и обретения.

Если, согласно известному утверждению С. Я. Елпатьевского [4, с. 9], интеллигенция — это общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, а развитие интеллигенции, по К. Манхейму, соответствует завершающей фазе становления социального самосознания [5, с. 102], то какие коммуникативные стратегии могут сегодня позиционировать те, кто оказался «втянутым» в поток регрессивной мобильности этой уникальной группы?

Предпринимая попытку ответа на поставленный вопрос, учтем, что К. Манхейм причисляет к «отброшенным» на рутинные позиции всех, кто оторвался от своих корней, то есть оказался в ситуации расхождения между изменившейся ситуацией и былым положением, утратив прежние функции. К этой же общности можно отнести и тех, кто был резко остановлен в «процессе возвышения на полпути». Их ностальгия «по старым добрым временам» сопровождается отрицанием изменившейся ситуации, «доведенным до крайних пределов» [5, с. 139].

Одновременно интеллигенция, вступившая в регрессирующую страту, «резко отброшенную назад, на свои первоначальные позиции, не стремится соперничать с высшими классами» [5, с. 137]. Это порождает демонстративный критицизм, подпитываемый самовосхвалением и тенденциями к изоляции, подмеченными Е. Ледерером. Также в ее поведенческих стратегиях проявляется особая, специфическая неспособность поддерживать сложившийся стиль жизни, что становится источником и реального, и демонстрируемого разочарования.

Представляется, что связь между этими практиками и, к примеру, реалиями современности в форме дауншифтинга (downshifting) проявляется в одном: отрицании любого властного давления институций.

Считается, что впервые термин «дауншифтинг» был обозначен в 1994 г. в статье нью-йоркского Trends Research Institute в Gerald Celente. Сегодня он применяется не только на уровне «околонаучного сленга», но и как равноправный синоним понятиям эскапизм, simple living (отказ от самого себя). В современном английском языке слово «downshifting» часто выступает в качестве синонима «простой жизни» (simple living), «добровольной простоты» (voluntary simplicity) — стиля жизни, основанного на гармоничном сочетании материальных и духовных потребностей, а также для обозначения достаточно распространенного явления отказа акторов от активной деятельности трудовой в пользу менее престижной, но обеспечивающей большую свободу личности в досуговой деятельности. Имеются, хотя и немногочисленные, отечественные исследования этого феномена [3, 7].

Ф. Руфф отмечает, что симптомы смещения акцентов в сторону поиска подобных альтернатив включают переориентацию все большего числа людей с высокооплачиваемой, но связанной с чрезмерным стрессом, нагрузками и отнимающей все свободное время работы на более спокойную, хотя и менее оплачиваемую по сравнению с прежней. «Особенно это заметно в кругах, ориентированных на успех и самореализацию» [9].

Исходя из этого, если дауншифтеры добровольно выбирают инновационную стратегию самоидентификации вне рутинной символики престижа, власти, то регрессирующая интеллигенция, наоборот, активно ищет «виновников» своей «отброшенности» во внешней

среде и пополняет ряды реакции. К такому выводу нас подводит К. Манхейм, говоривший о неспособности «отброшенных» воспринимать социальные инновации, формируя соответствующую идеологию, в рамках которой их неспособность воспринимать новые факты перерастает в открытое нежелание это делать, становясь источником главных сил реакции.

Более того, если дауншифтеры добровольно отказываются от вовлечения в процесс освоения новых знаний, например, по своей профессиональной деятельности, в пользу более насыщенного досугового пространства, то регрессирующая интеллигенция не только отказывается от инновационных знаний, но и реализует себя в процессе отчуждения от них других субъектов коммуникаций. Это может проявляться в разных формах и, с нашей точки зрения, наиболее ярко представлено в научных кругах, например, — по известным стратегиям «академических банд», описанных Р. Мертоном и Т. Дж. Шеффом [14,16].

Учитывая это, обратим внимание на вывод К. Манхейма о том, что образ действия интеллигенции и характер ее мышления зависят от условий, в которых она осознает и выражает себя. «Относится ли интеллигенция к вытесненной или восходящей группе, или к страте, продвижение которой заблокировано, она стремится выработать нормы и условности, предназначенные господствовать в том обществе, где она живет» [5, с. 129]. В актуальных практиках повседневности указанный процесс неизбежно корректируется феноменом, обозначенным нами как отторжение знаний.

Отношение к знанию, актуализированное в обществе, является и социальным, и культурным фактом. Оно становится результатом опыта коммуникаций индивида с социумом и одновременно механизмом индивидуальных стратегий практик, предопределяя мотивацию образования, социальной мобильности и изменения статусных ролей, карьерных амбиций, труда и отдыха, социокультурного воспроизводства и потребления. Прежде всего это касается тех детерминант, которые предписывает обществу интеллигенция в роли субъекта духовного контекста социальной жизни.

В связи с этим актуальность осмысления различных аспектов отношения к знанию на уровне индивида, общностей и в целом на социетальном уровне, перманентна. Поэтому закономерны и вопросы, предопределенные социокультурными практиками: что считается знанием в современном социуме, но, в большей степени, что представляют собой негативные стратегии интериоризации знания, объединенные феноменом его отторжения, и, в связи с этим, каков коммуникативный базис интеллигенции, сформированной и формирующей субъектность в этих условиях, то есть ее новое качество.

Структурно отторжение знаний описывается нами через две составляющие подсистемы: отказ от знаний и отчуждение знаний.

Отказ от знаний — поведенческая стратегия социального действия. Она связана с неприятием индивидом рутинных, традиционных, проверенных научной практикой, декларируемых институциональными структурами или «чужими», а также новых знаний. Это — конструкт социальной реальности, в котором скоррелированы «субъективные смыслы» и «объективная фактичность».

Отчуждение знаний — действия, направленные на исключение индивида, общности из числа пользователей ресурсами знания. Так могут воздействовать властные или корпоративные институты, не желая допускать «прозрачности» информации о каком-то направлении собственной деятельности и развития у индивидов навыков ее критической оценки и интериоризации, вхождения в профессиональные корпорации «чужаков», демонстрируя esprit de corps (цеховую солидарность). Это может быть моббинг «чужаков», барьеры, дистанцирующие закрытость профессионального пространства. Например, сопротивление науки новому знанию, описанное Б. Барбером [13], а позже развитое Р. Мертоном [14], Т. Дж. Шеффом [16], сегодня уже перешло с уровня чисто академических проблем на уровень обыденного сознания.

Отторжение знаний обладает феноменальностью в контексте жизненного мира и реализации особой формы обыденного коллективного знания, названного С. Московичи социальным представлением, связанным с иррациональным и алогичным действием в традиционных научных оценках знания. Но, подчеркнем, действием, сопровождающим значительное количество коммуникаций.

Таким образом, отторжение знаний рассматривается нами как «сквозной» процесс динамики общества по реализации механизма социального переустройства, опирающийся на отказ и отчуждение знаний.

Представляется, что допустимо рассматривать отторжение знаний как антидеривацию — ответное действие акторов и общностей на социокультурные последствия провалов государства, подкрепленных ложной

идеологией. Антидериваты так же, как и дериваты, являются производными от чувств, коренящихся, по В. Парето, в пластах человеческой психики, предопределяя социальное поведение человека. Однако здесь речь идет не об иррациональных пластах, а о жестко детерминированной мотивации на отторжение знаний, связанной с опытом индивида, общностей, извлеченным из взаимодействия с социумом.

В этом же ракурсе не случайна констатация З. Бауманом того, что о нашем времени, которое пытаются обозначить множеством терминов типа поздней модернити, рефлексивной модернити или постмодернити, можно сказать, что оно поднимает до уровня нормы определенное состояние диссонанса с унаследованными и внутренне присущими людям качествами, состояние, представляющееся патологическим с точки зрения природы человека [1].

Функциями отторжения знаний как процесса являются:

1. Интерпретация реальности, направленная на исключение:

• «чужих» из контекста социального взаимодействия;

• знаний, ассоциируемых с социальными страхами;

• действий, способствующих адаптации к новой информации и реализации индивидуальных статусных стратегий, не совпадающих с реальными властными диспозициями.

2. Снижение уровня рисков от неопределенности в социокультурном взаимодействии индивидов, групп, общностей и институций.

3. Сохранение стабильности и устойчивости индивидуальной и групповой структуры сознания.

4. Адаптация общностей к внешней среде через антидеривации.

Функциональными результирующими этого процесса в России и мире являются:

1. Рост функциональной неграмотности, фрагментаризация процесса мыслительной деятельности, стимулирующие смену социокультурных технологий взаимодействия общностей как по «горизонтали», так и «по вертикали», почти беспрепятственное торжество менеджериализма, «глобальный тоталитаризм» [8], «глобальный терроризм».

2. «Потребительское сопротивление», когда поиск все более совершенных продуктов и услуг сопровождается растущим стремлением акторов к качественной, с их точки зрения, жизни, обогащению индивидуального опыта и «проектированию личных эмоциональных миров» [17] за счет дауншифтинга и анскулинга в практиках взаимодействия с институциями труда (для когорты родителей) и образования (для когорты детей).

3. Усиление противоречий между общностями в связи с сосуществованием в одной стране и в одном государстве растущих анклавов отсталого общества, власть в котором основана на насилии («Rule of Force»), и уменьшающейся части общества, управляемого властью, основанной на законе («Rule of Law») [12]. Выходцы из стран традиции «Rule of Force», которые не сталкиваются с необходимостью ассимиляции, сохраняют «мягкую инфраструктуру» (моральные нормы, традиции) «базисного», «материнского» общества.

Они не просто с трудом адаптируются к условиям власти закона и социокультурных ценностей принявшего их социума, но и зачастую не желают этого делать, выражая свой протест даже в нелегитимных формах. В то время как общности «Rule of Law» оказываются неспособными к легитимным и эффективным формам сопротивления этому.

Конкретизируя эти результирующие, мы добавляем к известным по К. Манхейму [5, с. 154] качествам интеллигенции (эстетический взгляд на жизнь как основы «виртуозного сопереживания», способности жить ролями и мыслями других, экспертов «в области утонченных наслаждений и гуманистов»; способность к превращению «импульсов трансценденции и сомнений в надежные источники рутинной практики, позволяющие обходить крайности основополагающих истин»; экстериоризация ролей «носителя иронии, сарказма, акробата esprit (остроумия – фр.)») новое качество: подверженность и участие в процессе отторжения знаний.

Но доминирование этого качества – перспективный тупик общества. Подсказку об условиях выхода из этого тупика можно найти у К. Манхейма. Ученый утверждал, что распад приверженности интеллигенции реакции может начаться в следующем поколении, а в предыдущем – то есть актуальном – только «с лиц, не утративших свободу выбора». Поэтому именно следующее поколение, отходя от страты «отброшенных», сможет позиционировать «типичные симптомы диссоциации: независимой, продиктованной внутренними убеждениями критикой и скептицизмом по отношению к старшим представителям группы»

[5, с. 139]. То есть механизм выхода из духовного тупика может «заработать» через поколение интеллигенции, когда на смену «питательной среды» реакции придет новая страта, способная к продуцированию востребованных обществом ценностно-смысловых инноваций.

Хотелось бы надеяться на то, что обществом будут востребована способность интеллигенции к ролям «профессионального критика ограниченности и филистерства», к сохранению рационального зерна в скептицизме, непреклонному поиску истины «в процессе разоблачения лицемерия и самообмана». Только тогда мы сможем говорить о позитивных перспективах участия этой значимой общности в минимизации последствий, оптимизации социокультурных рисков в социуме в связи с представленным нами в качестве социального факта феноменом.

Феномен отторжения знаний не просто присутствует в практиках повседневности, но и уже активно приносит свои плоды. Поэтому его дальнейшее осмысление может стать новым поворотом теоретико-прикладных концептов. Это позволит не только более детально описать феномен отторжения знаний, методологию его исследования, но и разработать механизм минимизации отрицательных эффектов проявления, снова и снова принимая за основу еще один тезис К. Манхейма о том, что радикальный отказ интеллигенции от иллюзий подобен дрожжам в хлебе, хотя теста они и не создают. Тем более, что в актуальных практиках роль проводников знаний, не включенных в процесс регрессивной мобильности, оказывается исключительно значимой.

1. Бауман З. Цена университета? Узнайте на рынке! / З. Бауман // Первое сентября. – № 70 (1146). – 12.10.2002.
2. Коган Л. Н. Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? / Л. Н. Коган // Университетский вестник. Екатеринбург, 1992. № 6. С. 7–10.
3. Лисова Е. В. Дауншифтинг: стратификационные эффекты / Е. В. Лисова // Экономическая социология: электрон. журн. – 2008. – Т. 9. – № 2. – С. 56–65.
4. Мансуров В. А, Барбакова К. Г. Интеллигенция в структуре власти – миф или реальность / В. А. Мансуров, К. Г. Барбакова // Интеллигенция и мир. – 2008. – № 1. – С. 7–46.
5. Манхейм К. Избранное: Социология культуры / К. Манхейм. – М. : СПб. : Университетская книга, 2000. – 501 с.
6. Меметов В. С. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии / В. С. Меметов // Интеллигенция и мир. 2008. № 2.
7. Приходько А. И. Дауншифтинг как социально-психологический феномен / А. И. Приходько // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 1 (1).
8. Ракитская Г. Я. Два «капитализма» в России: по материалам научной конференции / Г. Я. Ракитская, А. В. Очкина // Мир России. – 2009. – № 1. – С. 169–170.
9. Руфф Ф. Кризис роста и «погоня за улучшениями: вызовы для инноваций и маркетинга / Ф. Руфф // Форсайт. – 2007–2 (2). – С. 25–27.
10. Симонян Р. Х. Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х годов их последствия для России / Р. Х. Симонян // Ин-т социологии РАН, Ин-т экон. РАН. – М. : Экономика. – 2010. – 255 с.
11. Ткаченко С. В. Рецепция Западного права в России: проблемы взаимодействия субъектов / С. В. Ткаченко. – Самара : СамГУПС. – 2009. – 206 с.
12. Яновский К. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе: анализ причин и возможности преодоления / Яновский К. Э., Е. Русакова, К. Тараповская, С. Жаворонков / (Научные труды/Ин-т экономики переход. периода. – № 112). – М., ИЭПП, 2008. – 243 с.
13. Barber B. Resistance by Scientists to Scientific Discovery / Bernard Barber // Science, vol. 134. – 1 september. – 1961. P. 596–602.
14. Merton R. K. Behavior patterns of scientists/Robert K. Merton // American Scientist, 58. – 1969. P. 1–23.
15. Preston P. Knowledge or «Know-less» Societies? / Paschal Preston // Networking Knowledge for Information Societies: Institutions & Intervention. Edited by Robin Mansell, Rohan Samarajiva, and Amy Mahan. – The Netherlands: Delft University Press. – 2002. – 405 p.
16. Scheff T. J. Academic Gangs / Thomas J. Scheff // Crime, Law, and Social Change. 1995. – № 23.
17. Schulze G. Die beste aller Welten. Wohin bewegt sich die Gesellschaft im 21 Jahrhundert? / Günther G. Schulze. – Frankfurt, Hensen, 2004.